

И т. д. и т. п. Каждый из этих образов хорош, но, собранные в таком количестве, они утомляют, расплывают внимание, читатель забывает, что же было вначале.

У Лундквиста-поэта много поклонников и много недоброжелателей, предъявляющих ему весьма справедливые упреки в эклектизме, поверхностном решении темы, излишнем экзотизме и т. п. Не представляется возможным дать сегодня определенную оценку поэзии Лундквиста. Он постоянно экспериментирует, ищет новые возможности в технике стиха, увлекается самыми парадоксальными выдумками. Он всегда молод и энергичен,— в этом, пожалуй, секрет обаяния его лирики.

ТЕЗА, АНТИТЕЗА... СИНТЕЗ

Для Гуннара Экелёфа понятия «прошлое», «настоящее», «будущее» могут располагаться не только в этом обычном порядке, но и в разных комбинациях. Для него время может ползти совсем медленно, так медленно, что он реально видит, как «сумерки текут нежные и серые в окно», слышит «трели вольфрамовой нити», видит и слышит, как «молчание пьет дождь».

Гуннар Экелёф признавался, что любит писать стихи под музыку Стравинского или Хиндемита. Может быть, это объясняет в какой-то мере его строки, которые клубятся многоцветным облаком ассоциаций:

антиподы отрываются черными звездами
с бледного заревого неба
лихорадка проступает багровой пеной
на светлых бедрах собора.
я не знаю что делаю
дверь открывается
кровь стучит в венах мрамора и мое сердце
теряется в каменной стене
и медленный звон колокола раздирает молчание
на одинаковые ключья
антиподы отрываются белыми звездами
с черного неба
лихорадка медленно проступает в развалинах пространства

Первый сборник Гуннара Экелёфа, «Запоздалый на земле», появился в 1932 году. В шведскую литературу вошел поэт исключительного таланта, но, к сожалению, совершенно чуждый современности. Он казался пилигримом, потерявшим дорогу в Мекку, или крестоносцем, что случайно забрел в XX век. «Семена ночи, падающие в молчание и одиночество, в музыку мертвых листов», нашли в его душе весьма благоприятную почву. Поэзия стала для него инструментом, которым он хотел вскрыть двери четвертого измерения.

Результаты не удовлетворили поэта, и Экелёф занялся изучением самых разнообразных вещей. Его интересовала теория

относительности и математическая логика, но, наткнувшись на тексты арабского мистика Ибн-Араби, он решил посвятить себя суфизму и индуизму, потратив массу времени на изучение арабского языка и санскрита.

Поэзия в этот период отходит на второй план. Его поэмы 30-х годов носят отвлеченный характер. Автор пытается увидеть предмет неожиданно, найти какое-нибудь отдаленное сравнение, чья структура тем не менее строго математична. Но Экелёфу не удалось, как он ни старался, забыть об окружающем мире с помощью гашиша четвертых измерений и мистики Ибн-Араби: «Иногда поднимается во мне тошнота угнетенных желаний, будто лава из последнего кратера страны, которая умерла».

У поэта появляется страх перед творчеством, вызванный крушением его магических идеалов. Долгие месяцы его преследуют кошмары и галлюцинации: поэзия представляется ему чем-то вроде скотобойни, а слова — трепещущими живыми телами, которые продаются, как полуфабрикаты, попадают к читателю, и «зубы дробят буквы, сквозь зубы текут гласные, сквозь слюни вытекает мое головокружение, мое «теперь» и мое «никогда»».

Экелёф хочет рассеяться, путешествует по Швеции, около года живет в Рослагене — откуда викинги ходили на Русь. Эстет и аристократ духа с удивлением замечает в себе интерес к фольклору и жизни шведских рыбаков и крестьян. Уехав во Францию, Экелёф не может забыть море, леса и скалы Швеции.

Я иностранец в моей стране,
Но моя страна не чуждается меня.
Я не живу в моей стране,
Но моя страна живет во мне.

Когда же началась вторая мировая война, Экелёф окончательно покидает свои «голубые дворцы». Он широко раскрытыми глазами смотрит, как черно-коричневые тучи затягивают небо европейской цивилизации. Верный мистической доктрине, поэт считает, что наступил очередной катаклизм, подобный нашествию варварских орд на Римскую империю. Ему кажется, что никто не ощущает прихода конца, ему хочется что есть силы кричать, чтобы спящие проснулись. Он интерпретирует загадочную фразу Рембо: «Вот время убийц»:

Время ненависти пришло. В вялых артериях
Одиночества забилась кровь.
О проснитесь, перебирающие ленивыми пальцами
Ониксы молчания и топазы меланхолии...
Вот время убийц.
Спит вселенная, спят камни, в их венах
Спит кровь, в их сердце
Спят мертвые ящеры, все спит.
И по земле ползет холод адской бездны...
Скорченные спящие тела, губы,
Изуродованные сном,
Проснитесь,—
Вот время убийц...

Наступила реакция, месть самому себе за равнодушие к другим. Экелёф презирает трусов, убегающих за стены чистого искусства:

Я потерял способность к равнодушию —
Возможно, потерял счастье...
О свиньи, бредущие по этапу,
Мне плевать на вашу поэзию.

О фантастический холод здесь, «снаружи»,
О холодные фантазмы здесь, «снаружи»,
И все эти крикливые флаги.

Брата ведут в газовую камеру...
Я в двух шагах, но за стеной, «снаружи»,
С разбитой в кровь маской истины...
О фантастический холод здесь, «снаружи»,
О холодные фантазмы здесь, «снаружи»...

После войны Гуннар Экелёф уделяет поэзии очень мало внимания, выступая в основном как радиодраматург. Он отходит постепенно от ирреальных откровений Иби-Араби, от фаустовских экспериментов Рембо.

Гроза утихла, небо европейской цивилизации снова, казалось, довольно безоблачно, «время убийц» прошло... и поэт вновь на перепутье. Нет возврата в опостылевшее «чистое искусство», шлем крестоносца заржавел, и пилигрим остановился, ибо Мекка оказалась миражем. Послевоенная действительность претила ему, жизнь в самой сытой стране мира не прельщала. Поэт слишком ясно видел, что бешеная погоня за материальными благами чаще всего приводит к полной духовной нищете. Реальный мир обманул его ожидания.

«Осенью» — так называется небольшой сборник стихов, составленный из стихотворений 50-х годов. В этом сборнике напечатана поэма под названием «Absentia animi», поэма, переведенная на все европейские языки, — с художественной точки зрения одна из лучших в современной шведской лирике:

Осенью
Осенью когда прощаются
Осенью когда все пути открыты в абсурдные луга
Где гниют ирреальные шампиньоны
Когда бабочки с разорванными крыльями
Стремятся к небытию — маленькой сморщенной розе
И грязные насекомые
Пьяны от света вечерней лампы
Которая истомленно шепчет
О полярном океане света
С длинными черными волнами
Вариации раздробленные на вариации
От ничего через ничто к ничему
Теза антитеза синтез
(Как шум швейной машинки)
Пауки в молчаливой ночи ткут свою паутину...

Блуждая в этом «антимире», в «абсурдных лугах», мы воспринимаем реальный мир как проплывающий мираж. Пирамиды

и небоскребы — клубы дыма, живые формы и краски природы — только «вариации, раздробленные на вариации». Ошеломленный, застывший где-то на грани поэзии и современной физики, поэт теряет ощущение своей индивидуальности. Экелёфа подвел к этому долгий поэтический опыт и философские занятия. Кажется, он реально ощутил состояние, описанное Нильсом Бором: «С глубоким изумлением человек начинает постигать идею идентичности внешнего и внутреннего мира. В атомной физике граница между субъектом и объектом пропадает». «О колыбель души — песнь о нечто другом» — строка из «Absentia animi» позволяет расшифровать стихи последних лет, причудливые переживания по ту сторону наших привычных восприятий. Этот новый мир, говорит поэт, пока еще ирреален и абсурден, но таит в себе обещание будущих возможностей человека:

Скоро придет время
Когда молодые листочки
Распустятся на рогах лиры
Тогда расцветут камни
Тогда расцветут камни
Глаза оторвутся от земли
Распадаясь в долях секунды
Губы оторвутся от земли
Распадаясь в бесконечных эхо
Разойдутся расселины скал
Брызнет подземное пламя
Запоют ручьи
Рассыпаясь серебряным контрапунктом
В горле порогов
Скоро придет время
Расцвета камней
Расцвета камней.

«АНИАРА»

Отравленной постоянной радиацией планете Земля необходим длительный отдых. Эта планета больше не в силах давать людям пищу и кров. Люди (после очередной атомной войны их осталось очень мало) решают покинуть землю и переселиться на Марс, Венеру или Юпитер. В последний момент многие отказываются, — они не могут бросить родную планету и предпочитают остаться в подземных лабиринтах. Остальные, числом несколько сотен, улетают на космическом корабле «Аниара». Приближаясь к Юпитеру, астронавты встречают огромное скопление метеоритов. Чтобы избежать неминуемой гибели, капитан приказывает изменить курс. «Аниара» навсегда покидает пределы солнечной системы и летит в сторону созвездия Лиры.

Таков сюжет первых песен эпоса Харри Мартинсона «Аниара», созданного в 50-х годах. Человек во времени и пространстве — сюжет, на первый взгляд, принадлежащий «science-fiction». Но связь Харри Мартинсона с «science-fiction» здесь и кончается.